
КОДАНЕВА С.И.¹ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРАКТИКЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (Статья)

Аннотация. В статье рассматривается глубокая трансформация права народов на самоопределение – от его философских истоков до современной цифровой парадигмы. Показано, что в современных условиях индивидуальные права, такие как право на самоидентификацию не только не становятся формой реализации права народов на самоопределение, но, напротив, используются для его нарушения и подавления. Выявлены три ключевых аспекта трансформации: появление концепции цифрового суверенитета как способности контролировать поток данных, постепенный отход от традиционной вестфальской модели, связывающей суверенитет и самоопределение с конкретной территорией, и усиление противоречий между либеральными правами личности и коллективным правом на самоопределение коренных народов в цифровых пространствах.

Ключевые слова: самоопределение; цифровой суверенитет; суверенитет данных коренных народов; колониализм «соленой воды»; колониализм поселенцев; деколонизация; цифровые права; информационный колониализм.

KODANEVA S.I. The Human Right to Identity and the Right to Self-determination of Peoples: Interrelation and Practical Implementation in Modern Conditions (Article)

Abstract. The article examines the profound transformation of peoples' right to self-determination from its philosophical origins to the modern digital paradigm. It is shown that in modern conditions, indi-

¹ Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

vidual rights such as the right to self-identification not only do not become a form of realization of the right of peoples to self-determination, but, on the contrary, are used to violate and suppress it. Three key aspects of the transformation have been identified: the emergence of the concept of digital sovereignty as the ability to control the flow of data, a gradual departure from the traditional Westphalian model linking sovereignty and self-determination to a specific territory, and increasing contradictions between liberal individual rights and the collective right to self-determination of indigenous peoples in digital spaces.

Keywords: self-determination; digital sovereignty; sovereignty of indigenous peoples' data; saltwater colonialism; settler colonialism; decolonization; digital rights; information colonialism.

Для цитирования: Коданева С.И. Право человека на идентичность и право на самоопределение народов: взаимосвязь и реализация на практике в современных условиях (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2026. – № 3. – С. 49–62. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2026.03.04

Введение

Право народов на самоопределение входит в число основополагающих норм современного международного права. Принцип равноправия и самоопределения народов закреплён в ст. 1 Устава ООН и понимается как право народа свободно выбирать свой политический статус и свободно осуществлять свое экономическое, культурное и социальное развитие¹. И в то же время оно является одним из наиболее спорных, поскольку вступает в прямое противоречие с международно-правовыми принципами уважения территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела государства². Так, Т.Я. Хабриева писала, что «право наций на самоопределение в современных условиях глобальных миграционных процессов и интернационализации населения государств не

¹ Reimagining Self-determination: Relational, Decolonial, and Intersectional Perspectives / Constantinou C.M., McConnell F., Dirik D., Regassa A., Loong Sh., Kuokkanen R. // Political Geography. – 2025. – Vol. 118. – Article number 103112.

² Андреева Г.Н., Хащина Э.Э. Международно-правовые механизмы предотвращения сецессии // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 6. – С. 21–24.

может трактоваться широко»¹. Очевидно, что данная точка зрения обусловлена доминировавшим в 1990–2000-х годах мнением о «конце истории» по Ф. Фукуяме, т.е. о общемировой победе неолиберализма и глобализма, которые, в конечном итоге полностью размоют и уничтожат любую национальную идентичность, превратив все население планеты в «индивидов» посредством повсеместного насаждения неолиберальных представлений и превалирования прав человека. Прошедшие полтора десятилетия продемонстрировали несостоятельность данной точки зрения и постепенный поворот от тенденции глобализма к стремлению национальных государств защитить свой суверенитет. Более того, коренные народы увидели прямую угрозу своей самобытности в том, как сторонники неолиберализма посредством «защиты» индивидуальных прав стремятся нарушать их права как коллективного субъекта права. В этом смысле значительно более правильной представляется подход С.А. Авакьяна, который видит в самоопределении народов их коллективное право на самоуправление, на самостоятельное решение вопросов своей жизни, право определить свою судьбу в государственно-правовом плане².

Таким образом, следует признать, что право народов на самоопределение как одна из ключевых концепций прав человека не является статичной. Она постоянно переосмысливается, трансформируется, оспаривается, вступает в противоречие с либеральной концепцией прав человека, понимаемой в значении приоритета личности над социумом.

В последние десятилетия стремительная цифровизация социальной, экономической и политической жизни породила новые вопросы о значении и практике самоопределения. Поскольку человеческая деятельность все чаще происходит в цифровых пространствах, данные становятся основным ресурсом для управления и экономического развития, а цифровая инфраструктура – центральным элементом политической власти, вопрос о том, кто контролирует цифровые пространства, кто и кем управляет с их помощью, стал особенно актуальным. Соответственно, это не могло не отразиться на понимании права народов на самоопределение. Во-первых, цифровизация породила новые формы притязаний на

¹ Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. – Москва, 2010. – С. 61.

² Авакян С.А. Конституционное право России: учеб. курс. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2010. – Т. 2. – С. 103.

суверенитет. Государства и наднациональные образования, такие как Европейский союз, стремятся к «цифровому суверенитету» как средству установления контроля над цифровой инфраструктурой и потоками данных¹. Параллельно этому многие коренные народы поднимают вопрос о «суверенитете данных коренных народов» как части их права на самоопределение, добиваясь полного контроля над данными об их общинах, территориях и знаниях². Во-вторых, цифровизация изменила пространственную логику самоопределения. Традиционно это право было связано с территорией и сводилось к идее о том, что народ обладает суверенитетом над ограниченным географическим пространством. Теперь же, когда потоки данных пересекают границы, а сообщества людей, в том числе объединенные принадлежностью к одному этносу, самоорганизуются на огромных расстояниях с помощью сетевых технологий, дискурс о самоопределении все чаще не связан с конкретной территорией³. В-третьих, цифровизация усилила противоречие между либеральными правами личности и коллективным правом на самоопределение коренных народов.

Историческая эволюция права наций на самоопределение

Концепция самоопределения имеет глубокие корни в западной политической мысли. И. Кант в XVIII в. писал о важности отношения к людям как к «моральным агентам» с присущими им достоинством и автономией, подтверждая важность того, чтобы люди могли оставаться *eigengesetzlich* (автономными)⁴. Философия

¹ Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // *Digital Society*. – 2025. – Vol. 4. – Article number 27.

² Oguamanam Ch. Indigenous Peoples, Data Sovereignty, and Self-Determination: Current Realities and Imperatives // *The African Journal of Information and Communication*. – 2020. – Vol. 26. – Article number 30360; Indigenous Peoples' Rights in Data: a Contribution Toward Indigenous Research Sovereignty / Hudson M., Carroll S.R., Anderson J., Blackwater D., Cordova-Marks F.M., Cummins J., David-Chavez D., Fernandez A., Garba I., Hiraldo D., Jäger M.B., Jennings L.L., Martinez A., Sterling R., Walker J.D., Rowe R.K. // *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. – 2023. – Vol. 8. – Article number 1173805.

³ Loong Sh., Manby A., McConnell F. Rethinking self-determination: colonial and relational geographies in Asia // *Territory, Politics, Governance*. – 2025. – Vol. 13, Issue 7. – P. 901–919.

⁴ Verhulst S.G. Operationalizing Digital Self-determination // *Data and Policy*. – 2023. – Vol. 5. – Article number 14.

И. Канта заложила основу для понимания самоопределения как способности отдельных людей и народов определять свою судьбу.

Современная концепция национального самоопределения возникла в контексте Французской революции и последующего подъема национализма в Европе XIX в. В период с конца XVIII в. до начала Первой мировой войны национальное самоопределение стало идеологической и политической основой формирования национальных государств. В этот период концепция связывала понятия «нация», «язык» и «культура» с государственностью. Требования о самоопределении озвучивали поляки, итальянцы, венгры и немцы, тогда же образовались современные Германия и Италия.

Берлинский конгресс 1878 г. ознаменовал важный момент в развитии самоопределения как политического принципа. Конгресс провозгласил независимость Сербии и Черногории и предоставил Болгарии статус самоуправляющегося княжества в составе Османской империи. Важно отметить, что в рамках конгресса был поднят вопрос о национальных и религиозных меньшинствах, в частности, о предоставлении автономии армянам в составе Османской империи. Это стало моментом зарождения идеи о праве меньшинств на самоопределение.

Следующая волна эволюции концепции самоопределения связана с окончанием Первой мировой войны, когда социально-политическая концепция переросла в политический принцип, который служил «движущей силой дезорганизации европейских империй, а также идеей государственной независимости»¹. В частности, этот принцип использовался для оправдания распада Австро-Венгерской и Османской империй. В этот период возникли две конкурирующие концепции самоопределения: либеральная доктрина В. Вильсона и радикальная концепция В. Ленина. «Четырнадцать пунктов» В. Вильсона, предоставленные Конгрессу США в 1918 г., являли собой видение, согласно которому народ, как главный источник легитимной власти, имеет полное право на самоопределение. В пятом пункте говорилось, что любое перераспределение границ и корректировка колониальных притязаний могут быть урегулированы только с согласия населения, проживающего на данной территории. Программа В. Вильсона соединяла принцип самоопределения народов при установлении новых

¹ Sanakoev I.B., Kulumbegova L.T., Ivleva M.L. National Self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2023. – N 1. – С 153–162.

границ в Европе с принципом территориальной целостности. Ленинская доктрина признавала необходимость и легитимность самоопределения малых наций и народностей, интерпретируя право на самоопределение как «право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации»¹. Этот радикальный подход предоставлял всем народам и нациям право на самоопределение, включая возможность образования собственного государства. Большевистское правительство закрепило этот принцип в Декларации прав народов России в 1917 г., которая подтвердила право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования независимого государства. Однако ни первая, ни вторая концепции не нашли отражения в Пакте Лиги Наций 1919 г. Как отмечает А.А. Мережко, «обе концепции самоопределения наций, радикальная ленинская и либеральная вильсоновская, настолько эффективно нейтрализовали друг друга, что в Пакте Лиги Наций 1919 года принцип самоопределения даже не упоминается»². То есть в то время самоопределение народов оставалось скорее политическим, чем правовым принципом.

Новый этап в эволюции концепции самоопределения произошел после Второй мировой войны и был связан с созданием ООН, в уставе которой, как было сказано выше, закреплён принцип равноправия и самоопределения народов, что ознаменовало переход от самоопределения как расплывчатого политического лозунга к правовому принципу. Но реально работающим инструментом право на самоопределение стало после принятия Декларации ООН 1960 г. о предоставлении независимости колониальным странам и народам, которая преобразовала «принцип самоопределения» в «право на самоопределение». Это положило начало процессу деколонизации, в ходе которого более 80 колониальных народов получили независимость. Однако современные исследователи обращают внимание на то, что право народов на самоопределение в сочетании с принципом территориальной целостности государства были закреплены в международном праве неслучайно, поскольку целью международно-правового регулирования того времени было предоставление независимости колониям в

¹ Sanakoev I.B., Kulumbegova L.T., Ivleva M.L. National Self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2023. – N 1. – С 153–162.

² Ibid.

существующих границах (принцип *uti possidetis* – принцип неделимости частей, нерушимости границ), которые отнюдь не соответствовали традиционному расселению различных народов и этносов, но были установлены во многом произвольно, по воле империй. Соответственно, международное право зафиксировало эти произвольные границы, лишив проживающих во вновь образованных государствах людей права самостоятельно сформировать государства по национальному принципу. А в случае с бывшими колониями, где к XX в. большинство населения составляли поселенцы, которые стали принимать собственное законодательство и продвигать свои ценности, данный подход привел к «новому колониализму» уже внутри самих бывших колоний, поскольку коренные народы в рамках действующего международного права лишены права на самоопределение¹.

Неудивительно, что начиная с конца XX в., когда во всем мире усилились правозащитные движения, вновь заговорили о праве на самоопределение таких народов. Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. стала отражением этого дискурса. Статья 3 закрепила, что «коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно определяют свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Таким образом, акцент был смещен с принципа «соленой воды» (ранее считалось, что право на самоопределение принадлежит только колониям, которые отделены от столицы империи морем) на контекст «поселенцев» (потомков колонизаторов), которые занимают землю, исторически принадлежавшую коренным народам. Как подчеркивают Ш. Лун с соавторами², это различие имеет решающее значение: колониализм «соленой воды» основан на господстве на расстоянии, в то время как колониализм «поселенцев» основан на выселении или ассимиляции коренных жителей. В этом смысле возникает противоречие между правовой системой колонизаторов и общественным порядком, принятым до их появления и хранимым коренными народами. Так, в основе либеральной демократии лежат три принципа:

¹ Loong Sh., Manby A. Op.cit.

² Loong Sh., Manby A., McConnell F. Rethinking Self-determination: Colonial and Relational Geographies in Asia // Territory, Politics, Governance. – 2025. – Vol. 13, Issue 7. – P. 901–919.

1) универсализм (суверенитет принадлежит государству и населяющему его народу; государства, основанные на принципе универсализма отрицают существование суверенитета коренных народов либо ограничивают его сферу применения);

2) индивидуализм (права принадлежат индивиду, государство не имеет права классифицировать людей по расовому признаку или идентичности; индивид получает право на самоидентификацию себя по гендерному, национальному и иным признакам наравне с другими, но в рамках единых для всех политических, социальных и экономических прав; сторонники индивидуализма отрицают возможность существования дифференцированного гражданства, при котором представители коренных народов получают особый статус в целях участия в политической жизни и получения особых мер защиты¹;

3) эгалитаризм (все индивиды морально равны и имеют право на юридический паритет). Наиболее ярко это проявляется в избирательной системе и правах на природные ресурсы. Так, коренные народы отказываются проводить выборы по общим правилам, настаивая на своем праве использовать обычаи (например, принимать решения на общем собрании племени) и не допускать «поселенцев» к выборам на своих территориях². Что касается ресурсов,

¹ Наиболее показательным примером является дело «Брэкин против Зинке» (Brackeen vs Zinke), в котором обжаловался Закон о защите детей индейцев от дискриминации. Этот закон установил запрет на изъятие детей из их племен и передачу на усыновление неиндейцам, поскольку такое усыновление, как правило, было направлено на их ассимиляцию. В 2016 г. на основании этого закона было отказано в усыновлении ребенка семейной паре Брэкин, после чего они обратились в суд. Первоначально Окружной суд Техаса признал этот закон нарушающим конституцию Техаса, поскольку он нарушал принцип равноправия сторон и лишал потенциальных приемных родителей прав на заботу, опеку и контроль над детьми, находящимися на их попечении. Тогда в дело вступили индейские племена чероки, онейда, квинолт и моронго. Спор дошел до Верховного Суда США, который отменил решение Окружного суда Техаса и признал закон принятым в рамках полномочий федерального правительства и соответствующим конституции США.

² Показательным является дело «Райс против Каэтано» (Rice vs Cayetano), которое было возбуждено в 1996 г. владельцем ранчо с Большого острова Г. Райсом против штата Гавайи. Суть дела заключалась в том, что в 1978 г. было создано Управление по делам гавайцев – правительственное агентство, которое выделяло средства и предоставляло определенные льготы коренным гавайцам. Попечительский совет этого агентства избирался коренными гавайцами. Г. Райс был владельцем ранчо европейского происхождения, чья семья жила на Гавайях с

то коренные народы настаивают на соблюдении своих прав на традиционные способы ведения хозяйства (например, ловли рыбы) и отношение к земле (часто – как к Матери), что противоречит западному отношению к природе исключительно как объекту собственности и ресурсу.

Таким образом, право на самоопределение опирается на понимание того, что коренные народы обладают коллективной правосубъектностью, что подразумевает дифференцированное гражданство, суверенитет, способность принимать решения и территориальный контроль¹. Соответственно, в государствах бывшей Британской империи происходит юридическое уничтожение суверенитета коренных народов (юридическое поглощение коренных народов империей поселенцев посредством политики навязывания общих либеральных норм).

Коренные народы воспользовались общемировой «революцией прав человека», которая изменила политику во всех либеральных демократиях. Там, где когда-то демократия представлялась как отстаивание групповых / классовых интересов, теперь она все чаще проявляется в деятельности различных активистов, отстаивающих свои права, не только в парламентах, но и в судах, на референдумах и т.д. Революция в области прав человека привела к мобилизации прав целого ряда политических субъектов, в первую очередь женщин и меньшинств. Соответственно, коренные народы стали позиционировать себя как такой политический субъект, добиваясь признания их особых прав, проистекающих из того факта, что до вытеснения их поселенцами, они жили по своим законам,

середины XIX в. Когда он попытался зарегистрироваться для участия в выборах в попечительский совет Управления, ему было в этом отказано, после чего он обратился в суд. Дело дошло до Верховного суда США, который в 2000 г. вынес решение в его пользу, указав, что штат не может ограничивать право голоса на выборах в Попечительский совет Управления по делам Гавайев для лиц гавайского происхождения (Spitzer A.J. The Settler-Rights Backlash: Understanding Liberal Challenges to Indigenous Self-determination // Territory, Politics, Governance. – 2024. – Vol. 12, Issue 5. – P. 573–590). Аналогичные проблемы имели место и в других странах. Например, в Финляндии Закон о парламенте саами был сформулирован таким образом, что сотни лиц, ранее не принадлежавших к саамам, были внесены в списки избирателей в этот консультативный орган (Kuokkanen R. The Problem of Culturalizing Indigenous Self-determination: Sámi Cultural Autonomy in Finland // The Polar Journal. – 2024. – Vol. 14, N 1. – P. 148–166).

¹ Spitzer A.J. The Settler-Rights Backlash: Understanding Liberal Challenges to Indigenous Self-Determination // Territory, Politics, Governance. – 2024. – Vol. 12, Issue 5. – P. 573–590.

которым хотят следовать и в наше время. В ответ были организованы группы активистов, которые отстаивают либеральные принципы, осуждая защиту коренных народов как неравенство и расизм. Эти группы обращаются в суды, проводят референдумы, инициатируют кампании по изменению законодательства.

Таким образом, в странах, где коренные народы составляют меньшинство, постоянно происходит столкновение между либеральным пониманием прав человека как универсального индивида, и традиционным пониманием коллективного права коренных народов на самоопределение в значении их права самостоятельно управлять занимаемой территорией и жить по своим обычаям. Это означает, что традиционная концепция права народов на самоопределение не в состоянии охватить сложность требований о самоопределении во многих частях мира. Как утверждают Ш. Лун с соавторами, современное международное право не учитывает ряд требований о самоопределении, которые не вписываются ни в одно из закреплённых в нем условий¹. Поэтому они предлагают расширить концептуальные рамки самоопределения, чтобы отразить более сложную колониальную географию, опираясь на реляционную географию, чтобы концептуализировать самоопределение как состоящее из множественных, взаимосвязанных и открытых отношений. Они выступают за понимание самоопределения как свободы вести традиционный образ жизни, используя традиционные методы хозяйствования на занимаемой территории, а в качестве права – древние обычаи и традиции². Такой подход допускает разнообразие понимания самоопределения, учитывающее неоднородность постколониального мира. При этом ключевым местом конструирования идентичности становится Интернет, который позволяет объединять сообщества и диаспоры по всему миру, формировать и распространять заявления о самоопределении. Ярким примером может служить курдское движение, которое отвергает государство как средство национального строительства. Если изначально это движение стремилось к созданию независимого курдского государства, то теперь оно перешло к радикальному ан-

¹ Loong Sh., Manby A. Op. cit.

² Например, Парк мира имени Карен Салуин в Мьянме управляется на основе традиции Sgaw Karen – системы отношений между людьми и нелюдьми, которые регулируют социально-экологическую жизнь. Это своеобразная практика самоопределения, которая реорганизует социально-экологические отношения (ibid).

тигосударственному проекту, направленному на демонтаж того, что оно называет 5000-летней «государственнической цивилизацией». Под влиянием находящегося в заключении лидера Абдуллы Оджалана движение теперь выступает за негосударственную трансграничную систему автономной самоорганизации через коммуны, собрания, кооперативы и конгрессы¹.

Цифровое пространство усилило противоречия между либеральными правами личности и коллективным самоопределением коренных народов. Как отмечает С.Г. Верхулст, эпоха цифровизации отмечена глубокой асимметрией: данных (ограниченный доступ), информационной (несоответствия в прозрачности) и агентской (дисбаланс полномочий, который лишает власти и без того уязвимые группы населения)². Эти асимметрии создают ситуации «колонизации данных», когда крупные корпорации получают доступ к данным огромного числа пользователей, на которых они зарабатывают, как когда-то империи зарабатывали на вывозе ресурсов из колоний. Ярким примером этому может служить проект по разнообразию генома человека, в рамках которого была принята попытка извлечь генетический материал у представителей общин коренных народов без информированного согласия³.

В ответ на «информационный колониализм» возникла концепция «суверенитета коренных народов в области данных», который является производным от «цифрового суверенитета», под которым понимается способность государства осуществлять их правовое регулирование в форме нормативно установленных ограничений по способам и пределам их использования для различных целей, требований их локализации, ограничения передачи за пределы государства и способность эффективно контролировать соблюдение указанных ограничений⁴. Соответственно, «цифровой суверенитет коренных народов в области данных» означает их

¹ Sanakoev I.B., Kulumbegova L.T., Ivleva M.L. National self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2023. – N 1. – С. 153–162.

² Verhulst S.G. Operationalizing Digital Self-determination // Data and Policy. – 2023. – Vol. 5. – Article number 14.

³ Oguamanam Ch. Indigenous Peoples, Data Sovereignty, and Self-Determination: Current Realities and Imperatives // The African Journal of Information and Communication. – 2020. – Vol. 26. – Article number 30360.

⁴ Коданева С.И. Цифровой суверенитет как новая правовая концепция // Московский юридический журнал. – 2025. – № 4. – С. 14–28.

способность регулировать сбор, хранение, обработку и использование данных об общинах, народах, землях и ресурсах коренных народов, включая их традиционные знания.

Эта концепция получила признание как на международном, так и на национальном уровнях. Так, ЮНЕСКО приняла принципы global CARE (коллективная выгода, полномочия по контролю, ответственность, этика) как основу для управления данными коренных народов. В Канаде в рамках Регионального обследования состояния здоровья коренных народов (первого национального обследования, которое полностью контролируется и управляется коренными народами) были реализованы принципы ОСАР (собственность, контроль, доступ, владение) в отношении данных¹.

В научной литературе было сформулировано 12 прав, которыми обладают коренные народы в отношении данных, разделенных на две категории: данные для управления (возможность доступа к данным и их использования) и управление данными (способность управлять использованием данных и влиять на них). Эти права включают право на самоопределение, право требовать возмещения, право обладать, право использовать, право на согласие, право на отказ, право управлять, право определять, право на неприкосновенность частной жизни, право знать, право на ассоциацию и право на получение выгоды².

Помимо этого С.Г. Верхулст предлагает концепцию цифрового самоопределения (в качестве основы для устранения агентской асимметрии в экосистеме данных), которая означает уважение и обеспечение соблюдения волеизъявления людей, их прав, интересов, предпочтений и ожиданий на протяжении всего жизненного цикла цифровых данных взаимовыгодным образом для всех вовлеченных сторон³. Эта концепция основывается на известных философских традициях самоопределения, например, учения

¹ The CARE Principles for Indigenous Data Governance / Carroll S., Garba I., Figueroa-Rodriguez O., Holbrook J., Lovett R., Materechera S., Parsons M., Raseroka K., Rodriguez-Lonebear D., Rowe R., Sara R., Walker J., Anderson J., Hudson M. // *Data Science Journal*. – 2020. – Vol. 19. – Article number 43.

² Indigenous Peoples' Rights in Data: a Contribution Toward Indigenous Research Sovereignty / Hudson M., Carroll S.R., Anderson J., Blackwater D., Cordova-Marks F.M., Cummins J., David-Chavez D., Fernandez A., Garba I., Hiraldo D., Jäger M.B., Jennings L.L., Martinez A., Sterling R., Walker J.D., Rowe R.K. // *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. – 2023. – Vol. 8. – Article number 1173805.

³ Verhulst S.G. Operationalizing digital self-determination // *Data and Policy*. – 2023. – Vol. 5. – Article number 14.

И. Канта о том, что человек является целью, а не средством, учения Г.Х. Мида о социальном развитии личности через взаимодействие с другими, учения С. де Бовуара об индивидуальном волеизъявлении, а также теории психологического самоопределения И.Л. Деси и Р.М. Райана. Предложенная концепция представляет собой структуру, включающую четыре основных элемента: 1) процессы (сбор данных должен осуществляться через решение собрания граждан или специального совета по вопросам повторного использования данных, чтобы обеспечить участие общественности и ответственное информированное согласие); 2) лица, уполномоченные управлять данными (лидеры, уполномоченные создавать общественную ценность посредством повторного использования собранных данных, и посредники, обеспечивающие безопасные и прозрачные процессы передачи данных заинтересованным в их сборе лицам); 3) политика (правовые рамки, включающие регламенты, социальные лицензии и кодексы поведения, устанавливающие механизмы подотчетности использования данных); 4) продукты и технологии (инструменты, которые предоставляют заинтересованным сторонам контроль над своими данными, одновременно поощряя обмен опытом по их защите). Все эти элементы должны присутствовать на каждом этапе «жизненного цикла» данных (сбор, обработка, хранение и использование).

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что концепция права на самоопределение постоянно трансформировалась, пройдя в своем развитии несколько этапов: от появления в философии Просвещения как право индивида, через формализацию в юридическую основу для деколонизации и к современным концепциям самоопределения коренных народов вне связи с территорией их проживания, включая вопросы цифрового самоопределения и цифрового суверенитета, под которым понимается способность контролировать свои данные. Цифровизация расширила сферу притязаний на самоопределение. Государства, наднациональные образования и коренные народы теперь заявляют о праве на цифровой суверенитет, что в принципе трансформирует дискурс о самоопределении. Возникновение концепции суверенитета коренных народов в области данных как глобального движения демонстрирует, что самоопределение не ограничивается территорией в традиционном смысле этого слова, а распространяется на

трансграничные информационные потоки. Таким образом, цифровизация изменила пространственную логику самоопределения. Поскольку потоки данных пересекают границы, а этнические сообщества самоорганизуются на огромных расстояниях с помощью сетевых технологий, заявления о самоопределении бросают вызов вестфальской модели государственности. Наконец, усилился конфликт между либеральными правами личности и коллективными правами коренных народов, который является проявлением глубокого внутреннего противоречия внутри модели либерализма: между универсализмом и признанием групповых различий, между индивидуализмом и коллективной идентичностью, между эгалитаризмом и справедливостью.